

Волокитина, Т. В. Православная церковь в системе государственно-церковных отношений в Польше первой половины XX в. / Т. В. Волокитина // Российские и славянские исследования: науч. сб. / Белорус. гос. ун-т.; А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. – Минск, 2008. – Вып. 3. – С. 26–47.

Т. В. Волокитина

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛЬШЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.*

В Польше, где большинство населения, принадлежавшего к титульной польской нации, исповедовало католицизм, православная церковь объединяла, главным образом, представителей национальных меньшинств — украинцев, белорусов и русских и была фактором, определявшим их этническую идентичность и целостность, а также обособленность существования среди титульной нации. То обстоятельство, что власть для них являлась инонациональной, вносило дополнительные трудности в процесс налаживания отношений с государством.

Православная церковь в межвоенный период. После образования в 1918 г. польского государства православные приходы, в которых насчитывалось до 3 тыс. храмов, объединялись в Волынскую, Пинско-Новогрудскую, Гродненскую, Варшавско-Радомскую, Хелмско-Подляшскую и Краковскую епархии, находившиеся под юрисдикцией Русской православной церкви (РПЦ). Когда по Рижскому мирному договору 1921 г. Западная Украина и Западная Белоруссия вошли в состав Польши и несколько епархий РПЦ оказались за границей, Св. Синод РПЦ в сентябре 1921 г. назначил на Варшавскую кафедру бывшего архиепископа Минского Георгия (Ярошевского). Годом позже по просьбе польского правительства он был возведен в сан митрополита, а православной церкви в Польше (ППЦ) формально было предоставлено право широкой автономии.

Польское правительство, однако, активно вмешивалось в церковную жизнь и управление епархиями, причем распоряжения Министерства исповеданий и народного просвещения нередко противоречили конституционному принципу веротерпимости. При этом польское правительство преследовало, помимо прочего, цель освободиться от «иностранный» церковной власти. Его настойчивость, направленная на отрыв православного населения от Московской патриархии, в значительной мере обуславливалась резким неприятием большевизма. Уже в 1921 г. польские власти обратились к главе Русской церкви патриарху Тихону со специальным меморандумом, в котором содержалась просьба о даровании ППЦ автокефалии. В ответном послании, мотивируя отказ, патриарх писал: «По канонам автокефалия дается отдельным народам. Если бы поляки были православными и просили для себя автокефалию, то, конечно, получили бы ее. Но поработанным меньшинствам белорусов,

---

* Статья подготовлена по программе фундаментальных исследований Отделения исторических и филологических наук РАН «Власть и общество в истории» (проект «Власть и религиозные институты в Европе и России в XIX—XX вв.»).

Волокитина Татьяна Викторовна — руководитель Научного центра истории сталинизма в Восточной Европе Института славяноведения РАН, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук

русских и украинцев автокефальными быть нельзя» [1, л. 46]. В дальнейшем польская сторона неоднократно предпринимала попытки оказать давление на патриарха Тихона, но успеха в этом не имела. Официальная Варшава дважды тщетно пыталась добиться дарования автокефалии и от Константинопольского патриарха, после чего решила переложить решение данной задачи на православный епископат¹. Несмотря на имевшиеся в нем серьезные расхождения, митрополиту Варшавскому Георгию при поддержке правительства к июню 1922 г. удалось добиться от иерархов согласия вынести вопрос об автокефалии на рассмотрение Варшавского собора епископов.

Собор тремя голосами против двух принял решение, что «вследствие церковной смуты и разрухи в России [он] ничего не имеет против автокефалии Православной церкви в Польше и готов работать... на началах автокефалии, уверенный в добром сотрудничестве с польским правительством на основах конституции». Значительной частью православного духовенства такая позиция расценивалась как фактический отрыв Польской церкви от Московской патриархии. Накал страстей в церковных кругах продолжал не только сохраняться, но и нарастать. Их жертвой пал и митрополит Георгий: в феврале 1923 г. он был убит бывшим ректором Хелмской духовной семинарии архимандритом Смарагдом (Латышенковым).

После смерти митрополита Георгия с согласия правительства Польскую церковь возглавил бывший епископ Кременецкий Дионисий (Валединский), русский по национальности. В феврале 1924 г. Константинополь даровал ППЦ желанную автокефалию², которая, однако, никогда не признавалась Московской патриархией. Примечательно, что исследователи считают доказанным факт «покупки» автокефалии поляками. В литературе указывается, что Варшава заплатила Константинопольскому патриархату 3 млн злотых: именно эта сумма фигурирует в архивных документах польского Министерства иностранных дел [2, с. 137; 3, с. 8]. Такова была цена сильной заинтересованности польской стороны в независимости Польской православной церкви от Московской патриархии.

После обретения автокефалии Польская церковь управлялась на основании «Временного положения об отношении правительства Польского и Православной церкви в Польше». В соответствии с этим документом церковь была полностью подчинена советской власти. В частности, кандидатуры епископов и членов духовных консисторий предварительно утверждались министром исповеданий, а священнослужители приносили присягу на верность государству. Хотя на местах назначение рядовых священников являлось прерогативой главы епархии, воеводские власти имели право в течение двух месяцев дать отвод нежелательному для себя кандидату. Одной из причин, по которой духовное лицо могло лишиться должности, была какая-либо его провинность перед польским государством.

---

¹ С канонической точки зрения автокефалия может быть осуществлена при наличии четырех условий: воля народа, создающего автокефальную церковь; согласие Матери-церкви, из которой выделяется новая церковь; признание новой церкви другими автокефальными церквами; согласие правительства того государства, в котором учреждается новая церковь.

² Официальный документ — Томос — о даровании автокефалии, подписанный патриархом Григорием VII, был вручен в сентябре 1925 г. уже при новом патриархе Василии III. В связи с этим в литературе можно встретить разночтения относительно даты предоставления Польской церкви автокефалии.

Примером вмешательства властей во внутренние дела церкви стали события весны 1924 г. В апреле с благословения Константинопольского патриарха в Польше был введен Григорианский церковный календарь (новый стиль), что вызвало сильное брожение в православной среде. Активно протестовала вся национальная — русская, украинская и белорусская — печать, негативную позицию заняла часть православных депутатов сейма, раскололось духовенство. В ряде мест произошли кровавые столкновения: полиция разгоняла собравшихся у храмов прихожан. Хотя не сразу, но епископат ППЦ все же отреагировал. Приняв решение в августе 1924 г. о сохранении старого стиля в тех местах, где этого требовал народ, иерархи ППЦ потребовали от правительства «оградить чисто внутрицерковное дело от вмешательства административных властей». Вероятно, под влиянием этих событий правительство решило публично выразить свое понимание принципиальных основ, на которых должны были строиться отношения государства и православной церкви.

В сентябре 1925 г., выступая на торжествах в Варшаве по поводу получения Томоса об автокефалии ППЦ, министр исповеданий и народного просвещения С. Грабский заявил: «Польское правительство имеет твердое желание обеспечить Православной церкви полную свободу устраивать свои внутренние дела, как равно и свободу руководить духовной жизнью своих верующих в согласии со своими канонами, при единственном условии — лояльности по отношению к государству и уважения законов и властей, установленных согласно Конституции Польской республики». Таким образом, стержнем отношений между государством и церковью была официально объявлена лояльность православной конфессии, что в условиях «однобокой», по оценке А. К. Свитыча, автокефалии, связанной с необеспеченностью свободы существования церкви и ее внутренней независимости от государства законодательными актами, облегчало власти осуществление контроля за православием. Ситуация осложнялась еще и тем, что польское правительство выступало рупором католического костела и католического общественного мнения.

В этих условиях в наиболее трудном положении оказались широкие массы православных верующих, среди которых очень скоро обозначилось разделение по национальному признаку. Оно выразилось в требованиях украинизации, в меньшей степени белорусизации³, а затем и полонизации православной церкви.

Интересным сюжетом были миссионерские планы Ватикана, которые предполагалось реализовать на территории бывшей Российской империи. Однако они не всегда совпадали с политикой польского правительства и позицией католических властей в Польше. Наибольшие расхождения касались вопроса о создании новой унии, инициатором чего был митрополит грекокатолической церкви Андрей Шептицкий. В 1923 г. Ватикан поручил руководство новоуниатским движением в Польше подляшскому епископу Генрику Пшеждецкому. Он получил разрешение на создание среди православного населения восточных воеводств Польши католических приходов по православному обряду. Однако опыт создания нового католического обряда показал заинтересованность в нем только со стороны скомпрометированных православных священников. Деятельность ватиканского координатора по созданию новой

³ Ко второй половине 1930-х гг. национальное движение белорусов было почти полностью свернуто (подробнее см.: Mironowicz E. Białorusini w Polsce. 1944—1949. Warszawa, 1993).

унии — специальной комиссии «Pro Russia» также не дала результатов. Санационные польские власти и вовсе не выказывали охоты к новоуниатским действиям [4, с. 72—76].

В попытках национальных меньшинств сделать церковь орудием политической борьбы главная роль принадлежала украинцам, проживавшим в основном на Волыни. Еще осенью 1921 г. Волынский епархиальный съезд в Почаевской Лавре провозгласил, что настало время украинизировать православную церковь, заменив церковнославянское богослужение украинским.

В наскоро подготовленных церковных текстах, однако, имелось столько погрешностей, что сами верующие стали добиваться изъятия некачественных переводов из богослужения. Митрополит Дионисий в своей деятельности испытывал постоянное давление как со стороны правительства, так и украинских националистов. Это обусловило своеобразную «гибкость» его политики: Дионисий поддерживал полонизацию русских и белорусских приходов и украинизацию украинских, причем процессу украинизации он явно уделял повышенное внимание. Как подчеркивали его сторонники, «владыка Дионисий... отнесся к этому вопросу со всей широтой своего мировоззрения, решительно высказавшись за возможность, с благословения церковной власти, украинизации богослужения там, где этого пожелают верующие. Он нередко обращался к своей пастве с посланиями... на украинском языке, ... благословил издание на украинском языке Службеника в переводе профессора И. И. Огиенко, он допустил даже в своем кафедральном храме в Кременце богослужение с украинской вымовой (произношением. — *Т. В.*) и проповеди на украинском языке» [цит. по: 2, с. 150].

После длительных обсуждений на протяжении 1922—1924 гг. Синод официально разрешил употребление украинского, белорусского, польского и чешского языков в тех богослужебных чинах, текст которых был одобрен высшей церковной властью, и там, где этому способствовали местные условия. Благословлялись также проповеди и церковные поучения и преподавание закона Божьего на местных языках. Началась активная украинизация православной церкви, оборотной стороной которой явилось ее «размосковленье». Особенно масштабной стала эта деятельность после приезда на Волынь архимандрита Поликарпа (Сикорского), при котором было украинизировано до 30 % православных приходов.

Тем не менее в глазах многих ярых украинских националистов деятельность Дионисия была недостаточно активной. В сентябре 1933 г., когда исполнилось десять лет пребывания Дионисия на Волынской кафедре, ими была начата широкая кампания против митрополита-«москаля». Ее апогеем стала грандиозная демонстрация в Почаевской Лавре под лозунгами «Украинскому народу — украинский епископат!», «Долой московщину в церкви!», «Довольно московской политики на Волыни!», «Долой руссификаторов в церкви!» и пр. Демонстранты приняли «присягу» — добиваться украинского языка за богослужением и назначения на Волынь украинского епископа. Последовала цепная реакция в других городах Волыни. Участники митингов направляли телеграммы в правительство и президенту Польши. Нажим сработал: 23 сентября 1933 г. «по воле народа» Дионисий был официально удален с занимаемой им кафедры. Власть предложили созвать Синод и решить вопрос о новом епископе, предварительно согласовав кандидатуру с правительством. Новым гла

вой Волынской епархии стал архиепископ Алексей (Громадский), бывший управляющий Гродненско-Новогрудской епархии, уроженец Хелмщины.

Хотя польское правительство активно поддерживало украинизацию православной церкви, рассчитывая тем самым ускорить денационализацию русского православного населения в Польше, однако главной

задачей оно считало создание и насаждение «польского православия». С этой целью власти подготовили программу, предусматривавшую полонизацию духовного образования, подготовку нового православного духовенства, воспитанного в «польском духе», преподавание закона Божьего в средних учебных заведениях на польском языке, перевод богословских текстов на польский язык, ведение проповедей и богослужения в армии на польском языке. Для ускорения этих процессов польское правительство решилось осенью 1938 г. на поставление православных епископов, считавших себе поляками по национальности. Была проведена хиротония двух военных священников — немца Георгия Шреттера (Тимофея) и Константина Семашко (Матфия). Оба владели польским языком и называли себя «поляками православного исповедания». Пользуясь при богослужении устным и письменным польским языком, «епископы-поляки» стали активно содействовать полонизации православной церкви.

Декрет президента Польской Республики от 18 ноября 1938 г. и введенный Советом министров Внутренний статут Польской автокефальной церкви не только стимулировали процесс полонизации, но и окончательно закрепили жесткий и всесторонний контроль государства за церковью. В 85 параграфах декрета были тщательно прописаны все случаи соприкосновения церкви и государства. Без санкции гражданской власти не могло состояться ни одно назначение — от псаломщика до епископа, ни одно перемещение даже самого скромного сельского священника из захолустного прихода. Официальным языком церковных властей и учреждений был объявлен польский. Во время богослужения следовало возносить молитвы за благополучие Польской Республики и ее президента (точный текст молитв был зафиксирован во Внутреннем статуте).

В декрете закреплялось выборное начало церковной власти, но по согласованию с высшими государственными органами. Лица, не имевшие польского гражданства, не могли занимать никаких церковных должностей, рукоположению в священник подлежали только «национальные кадры» — магистры богословия Варшавского университета или выпускники Государственного православного богословского лицея. На местах воеводские власти также получили возможность регулировать кадровую ситуацию в приходах: под предлогом разоблачения «вредной» для государства деятельности они имели право требовать от главы епархии отстранения неугодного священника от должности.

Все эти очевидные жесткие ограничения самостоятельности церкви и прямое вмешательство в ее внутреннюю жизнь митрополит Дионисий охарактеризовал как «благожелательную опеку пресветлой Польской республики» и поспешил заверить правительство в готовности православной церкви к «жертвенной работе во имя величия и славы Родины». Такой конформизм был встречен в обществе с недоумением. Часть поляков, не доверяя православной церкви, усматривала в заявлении Дионисия скрытый расчет епископата на пережидание. Публицист А. Гурский писал: «Полонизация, так легко введенная, и автокефалия церкви — это солома, которой закрывают

русские корни на время польской зимы, для того чтобы ее выбросить, когда наступит ожидаемая весна» [цит. по: 5, с. 247]. Хотя польская церковь по национальному составу отнюдь не была «русской» и, кроме того, в ней, как показано выше, активно осуществлялись украинизация и полонизация, поляки все же склонны были видеть в ППЦ прежде всего очаг руссификации, что во многом определяло государственную политику по отношению к православию в целом. Одним из характерных ее проявлений явилась развернутая римо-католиками широкая кампания ревиндикации — возвращения через суд православных храмов, святынь и церковного имущества, якобы принадлежавшего когда-то католической церкви.

Ни украинизация, ни полонизация православной церкви не стала сдерживающим активностью католиков фактором. Находившиеся в окружных судах иски исчислялись сотнями. Угроза нависла над Почаевской Лаврой, кафедральными соборами в Луцке, Кременце, Пинске. Митрополит Дионисий сравнивал ревиндикацию с избиением младенцев в Вифлееме по приказу царя Ирода, заявляя, что она ведет к лишению православных верующих церковной жизни. Примечательно, что греко-католическая церковь не последовала за римо-католиками, о чем официально объявил глава униатов митрополит Андрей Шептицкий в интервью газете «День польский» [5, с. 176]. Ревиндикация закончилась провалом: в ноябре 1933 г. Верховный суд отказал католикам в правомочности требований возврата церковного имущества. Однако приложивший огромные усилия для защиты интересов православной церкви юрисконсульт Варшавской митрополии К. Н. Николаев по распоряжению польских властей был выслан из страны.

Если католикам удалось в ходе ревиндикации отобрать «по закону» у православных единственный храм на Волыни, то несравнимо большие потери понесла православная церковь в результате массового закрытия и разрушения храмов, приобретшего характер произвола. По устоявшимся в литературе данным, православная церковь лишилась почти 500 храмов и монастырей. В Варшаве был разрушен собор Александра Невского, расписанный В. М. Васнецовым, а в Гродно разборка Александрово-Невской гарнизонной церкви началась из-за того, что она «мешала правильному движению по городу и безобразила (!) своим московским видом древнюю столицу польского короля Стефана Батория». В результате такой наступательной политики в одной только Хелмской области, где в 1914 г. действовали 378 православных храмов, их число сократилось в 1938 г. до 227, а к сентябрю 1939 г. до 47. При этом 156 церквей были разрушены и сожжены, а 175 перешли к католикам [6, с. 113].

В 20—30-е гг. оборонявшаяся от натиска польского католицизма православная церковь стала объектом деятельности Ватикана, объявившего о миссионерской деятельности на территории Польши в целях подготовки «неоунии» через введение так называемого восточного обряда. Еще в мае 1931 г. папа Пий XI, принимая делегацию польских паломников во главе с примасом Хлондом, подчеркнул: «Заботы Польши — мои заботы. Длинная граница вашей страны постоянно открыта и подвержена мощным атакам большевистских идей, враждебных религии и христианству. Вы достойно отражаете эти атаки, но ваша миссия будет лишь тогда закончена, когда, как в блестящие прошлые времена, вы сможете сказать: “Каждый поляк — католик”» [цит. по: 5, с. 189]. Иными словами, реализация этой стратегической установки Святого Престола объективно преследовала цель ликвидировать православие в Польше.

Мощный натиск латинского и восточного обрядов, притеснение православия в Польше получили международный резонанс, но он был различным. Если, например, Русское православное общество взаимопомощи в Северной Америке выразило резкий протест, то румынский патриарх Мирон Кристя, будучи свидетелем разрушений храмов в Польше, счел, что православная церковь «отлично устроена и хорошо себя чувствует». Болгарский экзарх Стефан, осудив гонения на православие в Польше, вернул ордена, полученные им в разное время от польского правительства.

Протесты православного епископата Польши властями во внимание не принимались. Под влиянием этого в православных кругах задавались вопросом о вине церковных иерархов, подготовивших уступками и конформизмом произвол и беззакония. Об этом говорил на Соборе епископов в Варшаве 16 июля 1938 г. один из старейших пастырей протопресвитер Терентий (Теодорович): «Наша иерархия вообще подвергалась за все минувшие годы испытанию со стороны надзирающих за нами: что “мы” такое церковно и на что

способны? И “они” убедились, что мы способны на всякие уступки и в своей традиционной церковности. Нужно изменить вид священника, надеть даже воинский мундир... — мы согласны, ибо восточный облик священника... некультурен (!). Язык Богословия? На всех языках, сколько угодно! Новый стиль? Пожалуйста! Автокефалия без всяких прав, без согласия церковного народа и своей Матери-Церкви? Готовы! Забыть свой национальный язык в проповеди и в общении с народом и даже в домашней обстановке? И на это согласны! Только бы свое положение, свои привилегии, удобства, власть сохранить...» [цит. по: 7, с. 171—172]. Собор епископов принял решение обратиться к пастве с особым посланием, разъяснявшим сложившуюся обстановку, установить по всей митрополии трехдневный пост в знак скорби и представить президенту и правительству страны соответствующий протестный меморандум. Послание подлежало оглашению во всех православных храмах страны, однако правительство сочло этот документ тенденциозным, заявив епископату, что ликвидированы были лишь «излишние» православные объекты, и на этом основании конфисковало послание. Меморандум также не нашел у властей какого-либо отклика. Нетрудно предположить, каким мог быть дальнейший ход событий, но помешала война.

Церковь в годы Второй мировой войны. После военного поражения Польши в сентябре 1939 г. православная церковь оказалась разделенной: основная часть православного населения (3900 тыс. верующих, 1500 приходов) осталась на территории, отошедшей к СССР. Находившиеся здесь епархии вошли в Московскую патриархию. Митрополит Дионисий письменно отказался от своих прав окормлять эти территории, на основании чего Московская патриархия сочла автокефалию ППЦ фактически упраздненной. Со своей стороны, польское правительство не признало присоединение восточных территорий межвоенной Польши к СССР и соответственно новую церковную обстановку. После восстановления в июле 1941 г. дипломатических отношений эмигрантского правительства с Москвой находившийся в эвакуации в г. Куйбышеве митрополит Сергей сообщил польскому послу, что вопрос об автокефалии православной церкви на территории собственно Польши — «дело будущего».

С началом войны в зоне германской оккупации находилась только Варшавско-Хелмская епархия (98 приходов, включавших около 300 тыс. верующих, среди которых преобладали украинцы — 250 тыс.) [8, с. 195]. Часть занятой германскими

войсками территории (Люблинский, Краковский, Радомский и Варшавский дистрикты) была включена в состав Рейха, а на остальной было образовано генерал-губернаторство во главе с д-ром Г. Франком. В 1941 г. к генерал-губернаторству отошла территория советской Западной Украины (дистрикт Галиция). В генерал-губернаторстве в конфессиональном отношении преобладали поляки-католики (около 9 млн), но заметной была доля и православного, в основном украинского, населения. По данным М. В. Шкаровского, на территории генерал-губернаторства проживали от 570 до 744 тыс. украинцев, из которых примерно половина были православными, а другая половина — грекокатоликами (униатами) [6, с. 114]. Украинское население, испытывавшее притеснение со стороны поляков, попыталось решить церковные вопросы с помощью германских властей. В сентябре 1939 г. представители украинского меньшинства подготовили в Кракове специальный меморандум, отразивший требования организации на территории с преобладанием украинского населения национальной школы, решения вопроса о языке, печати, собственных административных органах, а также закрепления юридического статуса Украинской православной церкви. Генерал-губернатор Франк встретился с делегацией и от имени фюрера обещал создать все условия для

свободного и всестороннего развития украинского населения, в том числе обеспечить религиозную свободу [9, s. 183].

Что касается ППЦ, то из десяти ее архиереев на оккупированной Германией территории остались всего двое — митрополит Дионисий и викарный епископ Люблинский Тимофей (Шреттер). Оба архиерея не пользовались доверием оккупационных властей, поскольку считались проводниками польского влияния в церкви. Тимофей вскоре был отстранен от дел и уехал в Яблочинский монастырь, расположенный на территории генерал-губернаторства. Дионисий осенью 1939 г. был арестован гестапо и помещен на свою виллу в Отвоцке, так как в первые дни войны призвал православных к «жертвенным подвигам и трудам Отчеству на пользу». Митрополит был вынужден передать свои функции архиепископу Берлинскому Серафиму (Ляде), находившемуся, как и вся православная церковь Германии, в Карловацкой юрисдикции. Серафим вступил в управление Варшавско-Хелмской епархией, но, поскольку автокефалия ППЦ не была официально отменена, за богослужением продолжали возносить имя Дионисия как главы церкви, и управление Серафима носило характер временного администрирования. Возглавляя епархию, Серафим добился немало: отменил новый стиль, восстановил 75 храмов и Турковицкий женский монастырь, организовал ряд братств, провел реорганизацию церковного управления и, что было немаловажно, привел духовенство в привычный для православных верующих вид (запретил священникам бриться и стричься).

Однако в сентябре 1940 г. Дионисий, стремившийся вернуться на кафедру, сумел войти в доверие к германским властям и получить желаемое. 23 сентября 1940 г. на встрече с Франком в Кракове он не только декларировал свои личные «верность и послушание», но и обещал добиться, чтобы все православное духовенство с такой же верностью и послушанием «уважало и выполняло» все законы и распоряжения германской власти [2, с. 260]. Видимо, Дионисий был убедителен, и Франк принял решение вернуть его к управлению церковью. «Я ожидаю от Вас, что Вы будете завершать создание православной церкви в соответствии с фактом существования генерал-губернаторства и национальным составом Ваших верующих. В решении этой

исторической задачи Вы можете рассчитывать на мою защиту», — сообщал он в письме митрополиту [6, с. 136].

Судя по всему, православный митрополит и высокопоставленный германский чиновник поняли друг друга. В будущем Франк видел варшавского митрополита во главе всей Русской православной церкви, о чем и сообщил ему в приватной беседе. Скорее всего, такая перспектива была для Дионисия весьма притягательной, что объясняет его попытки в дальнейшем распространить свое руководство и власть на Восток. Он даже распорядился отпечатать в Синодальной типографии специальные бланки с титулом «Смиранный Дионисий, Патриарх Московский и всея Руси». До осени 1941 г. эти бланки хранились в запечатанных конвертах в церковной канцелярии в Варшаве, но позднее были уничтожены [10, с. 6; 6, с. 136—137]. При Дионисии начался новый виток украинизации православной церкви. Митрополичья церковь св. Марии-Магдалины в Варшаве была передана в исключительное распоряжение украинцев, богослужения в ней, в которых участвовал и сам митрополит, велись на украинском языке. Русским прихожанам отводилась нижняя пещерная церковь во имя Страстей Господних в том же храме.

После нападения Германии на СССР и оккупации Украины Дионисий поддержал и благословил возрождение антимосковской автокефальной Украинской церкви, возвел епископа Луцкого Поликарпа (Сикорского) в сан архиепископа и назначил его администратором (управляющим) на Украине. Такое

«решение» церковного вопроса совпадало с намерениями украинских националистов создать независимую Украину. О помощи последних (мельниковцев и бандеровцев) автокефалистам [подробнее см.: 11] было хорошо известно советскому руководству. Московская патриархия резко отрицательно отнеслась к автокефальной украинской церкви. 28 марта 1942 г. митрополит Сергей в послании «архипастырям, пастырям и пасомым в областях Украины, пока еще занятых гитлеровскими войсками» запретил епископа Поликарпа в священнослужении.

РПЦ поддержала созданную в августе 1941 г. на соборе в Почаевской Лавре автономную Украинскую церковь и избранного экзархом Украины митрополита Алексия (Громадского). Последний в окружном послании верующим отказался подчиниться Дионисию, заявившему юрисдикционные права на всю Украину. Дионисий в апреле 1944 г. в результате проведенной им «операции» (он собрал в Варшаве украинских епископов-автокефалистов) был избран патриархом всей Украины. Свою речь он произнес на украинском языке. Активность архиерея стала причиной недовольства даже в Берлине, где неприкрытое властолюбие Дионисия начало вызывать сильное раздражение. Ему припомнили и тот факт, что ранее в одной из докладных записок в германское министерство восточных территорий он высказывался за упразднение Московской патриархии и создание в будущем Киевского патриархата. Германские власти, не признавая никаких объединительных тенденций в православной церкви на Востоке, считали, что русский Дионисий из-за своего неумеренного честолюбия «впрягся в сани» украинского национализма» [6, с. 148].

Мы намеренно фиксируем внимание читателя на этих событиях, поскольку они многое объясняют в дальнейшей архиерейской судьбе Дионисия, за которым в советском руководстве, как видим, не без основания закрепилась характеристика «антисоветски настроенного» иерарха. В значительной мере именно на этом основании

по окончании Второй мировой войны он был отстранен польскими властями от управления ППЦ.

В последних числах июля 1944 г. в условиях наступления Красной Армии Дионисий покинул Варшаву. Управление церковью он поручил протопресвитеру Иоанну (Коваленко), настоятелю митрополичьей церкви св. Марии-Магдалины. При вступлении советских войск на территорию генерал-губернаторства все православные епископы были эвакуированы в Словакию. Ранее преследовавшийся нацистами епископ Тимофей с приближением фронта переехал 22 июля из Хелма в Люблин, где и встретил советские части. Как единственному имевшемуся архиерею ему было поручено временное управление православной церковью в освобожденной Польше.

ППЦ в послевоенных реалиях: цель — автокефалия. Из архивных материалов, которыми мы располагаем, следует, что на завершающем этапе войны, в марте 1945 г., в Москве предельно аккуратно рассматривали вопрос о будущем Польской православной церкви. В одной из справок Совета по делам РПЦ указывалось, что православные епархии в Польше — Варшавская и Краковская лишены управления, так как епископы «сбежали с немцами», и что лишь единственный оставшийся на месте епископ Тимофей в августе 1944 г. установил связь с экзархом Украины митрополитом Иоанном — прислал прошение о принятии управляемой им Хелмско-Подляшской епархии в юрисдикцию РПЦ. «Стремление епископа Тимофея к подчинению Московскому патриархату может явиться предпосылкой к проведению мероприятий в этом направлении», — заключали авторы документа [1, л. 50—51].

Тимофей, однако, не ограничился этим шагом. Прибыв в апреле 1945 г. в Варшаву, он посетил советское посольство и в беседе с советником В. Г. Яковлевым выразил желание установить связь с патриархом

Алексием «с целью ликвидации автокефалии Польской православной церкви и присоединения ее к Русской православной церкви». Тимофей заявил также, что вопрос о будущем предстоятеле Польской церкви будет решать патриарх Алексий. Сотрудники посольства, однако, отнеслись к епископу Тимофею более чем сдержанно, считая его «креатурой прежнего польского правительства». Известную настороженность испытывали к нему и православные русские священники в Польше, в глазах которых епископ был «полонизатором Православной церкви» [1, л. 57—58]. Все это делало его фигуру малоудобной, о чем и сообщил в Москву посол в Варшаве В. З. Лебедев. Вместе с тем он считал возможным организовать поездку Тимофея в СССР и встречу его с русским патриархом при условии согласия на то польского правительства [1, л. 58].

Патриарх Алексий не возражал против встречи. Была даже определена ее возможная дата — 20 мая 1945 г. Послу Лебедеву было рекомендовано оказать содействие полякам в подготовке поездки. Но все эти шаги оказались напрасными: после капитуляции Германии в страну вернулся митрополит Дионисий, и Тимофей был вынужден сложить свои полномочия временного главы ППЦ. Новые польские власти признали митрополита Дионисия и допустили к управлению церковью. Осуществлялось оно на основании упомянутых выше постановлений 1938 г. — декрета президента от 18 ноября и Временного статута Православной автокефальной церкви.

К концу 1945 г. ситуация в Польской церкви оставалась для Москвы недостаточно проясненной. 22 ноября министр юстиции, представитель Польской социалистической партии Г. Свентковский сообщил В. Г. Яковлеву о том, что польская проку

ратура располагает материалами, достаточными для ареста и суда над Дионисием по обвинению в «пронемецкой деятельности». Свентковский выразил желание узнать мнение советской стороны, поскольку вопрос о Дионисии затрагивал не только всю политику польских властей по отношению к православной церкви, но и внутреннюю ситуацию в советской Западной Украине. Вместе с тем в отличие от советской стороны, польские руководители не связывали судьбу Дионисия с вопросом об автокефалии ППЦ. Свентковский заметил, что автокефальная церковь в Польше может существовать и без Дионисия. Реплика Яковлева, что Дионисий является «организатором и знаменем автокефалии в Польше» [12, л. 66], фактически отразила предложение польской стороне учитывать роль этого иерарха, выстраивая церковную политику в новых условиях.

Сам Дионисий никаких заявлений об упразднении автокефалии и воссоединении ППЦ с Московской патриархией не делал. Это побудило патриарха Алексия в письме митрополиту от 29 января 1946 г. напомнить, что решение патриарха Тихона о неканоничности автокефалии Польской церкви остается в силе. Однако на позицию Дионисия это не повлияло. Весной 1946 г. в письме патриарху он спрашивал «любви и благоволительного отношения великой Русской Церкви-Матери к своей дочери, а ныне младшей и юной своей сестре — Церкви Польской» [1, л. 89]. Такой акцент говорил о том, что Дионисий не намерен пересматривать вопрос о законности автокефалии ППЦ. Поэтому в Совете по делам РПЦ Дионисия считали «единственным препятствием» на пути ликвидации автокефалии и воссоединения ППЦ с Русской церковью [13, л. 116—117], а епископа Тимофея — полезной фигурой.

Польское правительство руководствовалось в вопросе об автокефалии своими соображениями: признавая весной 1946 г. необходимость присоединения ППЦ к Московской патриархии, оно считало, что обстановка для этого, как и для решения вопроса о судьбе Дионисия, «пока еще не сложилась». В Москве к

позиции «польских друзей» отнеслись с пониманием: осенью предстояли выборы в сейм, и радикальные перемены в конфессиональной сфере могли стать дополнительным импульсом для роста антиправительственных настроений, козырем для оппозиции, обвинявшей правительство в зависимости от Москвы, и в конечном счете фактором дестабилизации обстановки в стране. В посольстве СССР считали возможным на том этапе ограничиться полумерами: «...Договориться с Тимофеем о линии поведения..., а польским друзьям ...посоветовать, не ставя пока вопроса о присоединении Польской православной церкви к Московской патриархии, Дионисия арестовать и лишить его прерогатив главы Православной церкви, разоблачив как немецкого агента. Вопрос о присоединении ...вновь поставить и решить после проведения парламентских выборов в Польше, то есть осенью этого года».

Советские представители в стране, наблюдавшие за церковной сферой, полагали, что Дионисий «не является фигурой, на которую можно было бы опереться» в установлении контактов между двумя церквями, а регулярный обмен телеграммами между Дионисием и патриархом Алексием объясняли отсутствием у патриарха информации «об антирусской деятельности Дионисия во время немецкой оккупации». Посол Лебедев советовал избегать шагов, которые укрепляли бы позиции Дионисия. Он высказался против поездки польского митрополита в Москву для встречи с Алексием, полагая, что это сняло бы с Дионисия вину за прошлые преступления против

России и сохранило бы «поповскую банду», истреблявшую православное русское духовенство [1, л. 89].

Поражает наивность сотрудников посольства, допускавших возможность переписки патриарха Московского с польским митрополитом без санкции «сверху». Такая самостоятельность, не ведомая НКВД, была невозможна и для Русской церкви, все внешние связи и контакты которой согласовывались с Советом по делам РПЦ, а тот, в свою очередь, утверждал их в «инстанции». Следовательно, у Москвы имелись иные расчеты, которые не всегда доводились до сведения посла и его окружения.

Подтверждение этому находим в письме председателя Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпова в IV Европейский отдел НКВД от 7 июня 1946 г., в котором была представлена развернутая точка зрения Совета по всем поднятым вопросам. Предлагалось, в частности, присоединение Польской церкви к РПЦ отложить в связи с выборами в Польше, но «уже сейчас наметить и провести ряд подготовительных мероприятий». «Профашистское прошлое» Дионисия и Тимофея целесообразно использовать, чтобы «понудить их подготовить вопрос к быстрейшему и безболезненному присоединению Польской церкви к Московской патриархии и по своей инициативе поставить этот вопрос перед Московским патриархом». В силу этого в Совете полагали «политически нецелесообразным» судить Дионисия, а возможно и Тимофея, и приветствовали установление контактов митрополита и патриарха Алексия (сначала путем переписки, а затем, «в зависимости от результатов», и организовав поездку Дионисия в Москву). Впоследствии, после присоединения Польской церкви к РПЦ, Совет считал желательным отозвать Дионисия и Тимофея и назначить их на внутренние епархии в СССР [14, л. 286].

Вторая половина 1946 г. ознаменовалась резким обострением обстановки в Польше, связанным прежде всего с политической борьбой накануне выборов в сейм и с экономическими трудностями. Тысячи людей, особенно рабочих и интеллигенции, существовали на грани голода. По стране прокатились забастовки населения, усилились антиправительственные и антисоветские настроения. Активизировалось подполье, выступавшее за ликвидацию ориентации страны на «Восток» и устранение коммунистов от власти. Ответом руководства стало увеличение численности органов госбезопасности, их укрепление и возрастание роли в

государственной системе. Варшавская Духовная консистория в это время издала по инициативе Дионисия циркуляр № 1708, согласно которому священникам предлагалось за богослужением возносить моления не только «за господина нашего Блаженнейшего Дионисия, митрополита Варшавского и всея Польши», но и «за Пресвятую республику Польскую, Высокое правительство и Христолюбивое воинство ее». В дни национальных и государственных праздников во время благодарственных молебнов следовало читать особую молитву о благоденствии Республики, «президента Крайовой рады народной», правительства и польского воинства. Естественно, что поначалу подобная демонстрация патриотизма митрополитом была позитивно встречена властями.

Накануне парламентских выборов польское правительство пересмотрело свою позицию в отношении Православной церкви. 13 ноября 1946 г. находившийся в Москве Г. Свентковский в беседе с Г. Г. Карповым и председателем Совета по делам религиозных культов И. В. Полянским констатировал: «...Польское правительство смотрит категорически отрицательно на вопрос ликвидации автокефального поло

жения церкви и на вопрос ее воссоединения с Московской патриархией». Министр подчеркнул, что настойчивость Москвы в этом отношении могла быть истолкована как притязание к Польше, а это подорвало бы основной принцип строительства Польской Республики — независимость и самостоятельность. Поскольку Москва постоянно заявляла о поддержке этого принципа, то, по предположению Свентковского, патриарх Алексей, вероятно, «не согласовал свои действия с советским правительством». В Варшаве считали, что русскому патриарху следовало признать существующую автокефалию Польской церкви и восстановить с ней молитвенно-каноническое общение, отсутствие которого министр сравнил с «болячкой на теле нашей церкви» [15, л. 39—40]. Примечательно, что в отношении митрополита Дионисия принципиальная позиция польских властей осталась в целом прежней, претерпев изменения в нюансах: главу ППЦ предполагалось привлечь к судебной ответственности не только за прямую связь с немцами, но, «главным образом, за его активную работу против советской власти». Несомненно, имелась в виду, прежде всего, активная поддержка Дионисием в годы войны связанной с бандеровцами автокефальной Украинской православной церкви. Как ранее посол Лебедев, так теперь и Свентковский не понимал, почему патриарх Алексей вступил в переписку с Дионисием.

Не обошел вниманием министр и фигуру епископа Тимофея: «Это ни рыба, ни мясо, в массах авторитет незначительный, среди духовенства — деспот, вообще двуличный, но лучше Дионисия тем, что у нас нет материалов как о его враждебной деятельности против советского государства, так и по связи с оккупантами. Фактически он сейчас и управляет православной церковью в Польше, но в качестве главы церкви, по-моему, мало подходит. Тут должен позаботиться ваш патриарх Алексей, на которого мы смотрим как на главу всех славянских церквей» [15, л. 39]. Свентковский акцентировал внимание на невозможности применения в Польше чехословацкого варианта — организации экзархата РПЦ и назначения патриархом Алексием «какого-то епископа» главой этого экзархата⁴. В Польше, подчеркивал министр, надо действовать иначе: новый митрополит должен выйти из состава РПЦ, принять польское подданство и быть при этом приближенным «славянского патриарха Алексия» [15, л. 40—41]. Итак, ноябрьская встреча 1946 г. зафиксировала существенные расхождения в позициях советской и польской сторон.

На отношении польского руководства к ППЦ, несомненно, сказалось и то, что православная церковь в славянских странах, а также в Румынии, Англии, Франции и на Ближнем Востоке как национальный

институт «не подвергается ныне враждебным реакционным влияниям из-за границы и идет на сотрудничество с демократическими правительствами». Данная констатация, принадлежавшая министру Свентковскому, содержалась в его записке премьер-министру Э. ОSUBKA-Моравскому [1, л. 147]. Хотя автор ни словом не упомянул о католическом костеле и Ватикане, сравнение с ними очевидно.

---

⁴ Экзархат Московской патриархии в Чехословакии был образован после того, как в марте 1946 г. Чешская православная церковь перешла из юрисдикции Сербской православной церкви в ведение РПЦ. Экзархом был назначен епископ Ростовский и Таганрогский Елевферий (Воронцов), возведенный вскоре в сан митрополита. Основной причиной создания экзархата была необходимость ликвидации грекокатолической (униатской) церкви, особенно в Словакии, путем ее присоединения к православной.

Выборы в сейм, состоявшиеся 19 января 1947 г., отразили сложность обстановки в стране: закат аграристской альтернативы общественного развития, носительницей которой выступала оппозиционная правительству крестьянская партия ПСЛ (Польске стронництво людове), обозначившаяся перспектива обострения борьбы за облик будущей Польши и превращения компартии в стержневую государственно-политическую структуру. В контексте этих изменений понятно и уточнение позиции официальной власти по отношению к ППЦ. Важнейшим по-прежнему оставался вопрос о ее автокефальности.

Судя по документам, новый всплеск внимания к этой проблеме пришелся на февраль — апрель 1947 г. Подтвердив свое намерение сохранить автокефальную церковь как общественный институт самостоятельного и независимого польского государства, Варшава считала необходимым отстранить Дионисия от управления ППЦ по требованию «православной общественности» как человека, сотрудничавшего с немцами и скомпрометировавшего себя враждебными Советскому Союзу действиями. Избрание нового предстоятеля Польской церкви не мыслилось без консультаций с Московской патриархией и ее прямого участия.

Материалы Совета по делам РПЦ раскрывают настоятельное желание польского правительства не только урегулировать отношения с Русской церковью, но и улучшить правовое положение ППЦ. Решающее значение при этом имело лояльное отношение православного населения к правительству, делавшее его объектом постоянного преследования со стороны противников нового режима и особенно «лесных банд». Не случайно в беседе с Яковлевым весной 1947 г. Свентковский назвал православное население «лучшим элементом в стране» [1, л. 131].

Патриарх Алексей согласился со всеми предложениями польской стороны и выразил готовность снять упомянутое выше запрещение, наложенное на ППЦ митрополитом Сергием в 1940 г., признать автокефалию Польской церкви и обсудить с поляками в Москве вопросы ее устройства [16, л. 238]. В поддержку этого плана высказался и К. Е. Ворошилов, осуществлявший в советском руководстве наблюдение за конфессиональной сферой [1, л. 157, 161].

Позиция Московской патриархии не изменилась и после того, как в мае 1947 г. в Москве стал известен другой план польской стороны, автором которого был заместитель министра общественной администрации, член ЦК ППР В. Вольский. (Он курировал в министерстве вопросы православной церкви.) По плану Вольского в отношении Дионисия следовало действовать более жестко (домашний арест, следствие, суд

«без широкой огласки» и заключение в тюрьму). Основной мотивацией должна была служить связь с немцами. Управление ППЦ временно предлагалось поручить епископу Тимофею, который должен был вести в Москве переговоры с патриархом Алексием. Вольский не ограничился предложениями «на бумаге». Признав, что «подходящей фигуры» на пост руководителя ППЦ в стране не имелось, он установил контакт с посольством Югославии в Варшаве, поставив вопрос о возможности приглашения в Польшу епископа Сербской православной церкви, авторитетного в церковных кругах и демократа по своим убеждениям. По этому поводу Вольский хотел знать мнение Москвы [1, л. 158—159].

Посол в Варшаве Лебедев, будучи сторонником жестких мер против Дионисия, поддержал план Вольского. Он по-прежнему полагал, что арест митрополита обез

главит и парализует «теперешнюю преступную шайку, стоящую во главе Польской православной церкви», и укрепит позиции сторонников объединения с Московской патриархией. При этом посол предложил «провести воссоединение [церквей] путем каких-либо переходных мер, ...сделать это без излишнего шума»: у поляков не должно создаться впечатления, что «Москва силой тянет к себе Польскую православную церковь» [1, л. 159—160].

Данная информация, поступившая в ведомство Карпова из IV Европейского отдела МИД СССР 20 мая 1947 г., удивила и обеспокоила сотрудников Совета. Было не ясно, почему, выступая от имени одного правительства, Свентковский и Вольский демонстрировали разные подходы к проблемам ППЦ. Недоумение вызвала и слабая информированность советского посольства в Варшаве о решениях, принятых в Москве. Уже на следующий день, 21 мая 1947 г., в ответном письме на имя заведующего IV Европейским отделом А. М. Александрова Г. Г. Карпов напомнил, что еще в ноябре 1946 г. вопрос о воссоединении ППЦ с Московской патриархией был снят с повестки дня, что существует решение о сохранении автокефалии Польской церкви при условии избрания на Соборе ППЦ предстоятеля из епископата Русской церкви. Таким образом, постановка Вольским вопроса о приглашении сербского епископа шла в разрез с прежними установками. Карпов напомнил и о четкой позиции Совета, согласованной с «инстанцией», в отношении митрополита Дионисия: «Этот вопрос ...должен быть решен Польским правительством, но арест Дионисия и суд над ним, вероятно, вызовут широкие и нежелательные отклики, тем более, что по линии православных церквей это [был бы] первый арест» [1, л. 163].

Разъяснения Карпова возымели действие: из рабочей переписки Совета по делам РПЦ и МИД СССР весной — летом 1947 г. становится очевидной их согласованная позиция в отношении Дионисия. Арест и суд митрополита были признаны нецелесообразными. Наиболее приемлемым вариантом считалась его отставка «по требованию польской православной общественности» и удаление на покой в один из монастырей. Нежеланием вносить напряженность в польское общество, чутко реагировавшее на вопрос о независимости страны от СССР, объяснялся тот факт, что обвинение Дионисия в антисоветской или антирусской деятельности окончательно отпало. Наверняка эта позиция была доведена до сведения советского посольства в Варшаве.

В начале 1948 г. польское правительство предложило Дионисию подать в отставку. Митрополит, однако, ответил категорическим отказом. В Москве сочли, что он сделал это «по совету англичан» [17, л. 5]. В конце февраля 1948 г. Дионисий был помещен под домашний арест. Началось следствие. По его итогам на основании старого декрета президента «Об отношении государства к Польской автокефальной православной церкви» от 18 ноября 1938 г. Совет министров отстранил Дионисия 6 апреля 1948 г. от

руководства (ему было предъявлено обвинение в нарушении присяги президенту) и назначил Временный совет по управлению ППЦ, в который вошел и епископ Тимофей. Как и советовали ранее в Москве, суда над Дионисием было решено не устраивать. Его ждал монастырь в Яблочине [17, л. 6]. Следующим важным шагом должна была стать поездка церковной делегации в Москву для получения согласия патриарха Алексия на автокефалию.

В связи с приближением открытия совещания глав православных церквей в Москве, назначенного на июль 1948 г., МИД СССР предлагал во время пребывания в

советской столице польской делегации ограничиться обещанием автокефалии со стороны патриарха, посоветовать полякам избрать на Соборе ППЦ нового митрополита, который смог бы в дальнейшем получить благословение Алексия на автокефалию. «Православное духовенство в Польше, ряды которого засорены ставленниками Дионисия, должно знать, что получить автокефалию оно сможет, только избрав действительно демократически настроенных и дружественных Советскому Союзу митрополита и его помощников», — говорилось в записке IV Европейского отдела МИД СССР, адресованной Совету по делам РПЦ [17, л. 6—7].

В Совете, однако, рассудили иначе: для усиления позиций Московской патриархии на совещании, где предстояло голосование при принятии основных постановлений, важно было заручиться поддержкой желательно большего числа глав автокефальных церквей [18, л. 74—75]. ППЦ должна была выступать в качестве равноправного участника. Отсюда вытекала задача ускорить приезд польской церковной делегации в Москву, чтобы до совещания получить благословение Алексия на автокефалию [17, л. 8]. Избрание главы Польской церкви при этом не форсировалось.

Именно этот план и был реализован. В июне 1948 г. прибывшая в Москву делегация ППЦ обратилась к патриарху Алексию с просьбой о даровании автокефалии, а провозглашенная Томосом от 13 ноября 1924 г. автокефалия была признана «неканонической и недействительной». 22 июня 1948 г. Синод РПЦ согласился с самостоятельностью польского православия⁵ [19, с. 44—45]. Декретом президента Б. Берута Дионисий был отстранен от руководства церковью, вместо Временного совета было создано Временное управление. Но вопрос о митрополите Дионисии по-прежнему оставался болевой точкой в государственно-церковных отношениях.

На совещании в Москве в июле 1948 г. самостоятельная Польская церковь голосовала за все предложенные Московской патриархией документы, в том числе и за резолюцию против Ватикана. Позднее, в ноябре 1949 г., епископ Тимофей сообщил в Москву, что «совещание нашло должный отклик в самых широких слоях православного населения Польши» и что «предприняты все шаги» по популяризации решений московской встречи среди православных верующих [20, л. 63].

22 августа 1948 г. Дионисий обратился к патриарху Алексию с «искренним покаянием во всех содеянных по отношению к Матери-Церкви прегрешениях», признанием «временности и канонической неполноты автокефалии, дарованной Святейшим Константинопольским патриархом», и с просьбой принять его в каноническое общение с РПЦ. 9 ноября 1948 г. постановлением № 22 Святейшего патриарха и Священного Синода РПЦ каноническое общение было восстановлено. Кроме того, руководство РПЦ сочло возможным оставить за Дионисием сан митрополита, лишив его при этом присвоенного ему Константинопольским

патриархом в период выхода из юрисдикции Московской патриархии (апрель 1927 г.) титула «Блаженнейший». Дионисию было также разрешено богослужение [17, л. 59].

---

⁵ Несмотря на каноническое разрешение вопроса о даровании автокефалии православной церкви в Польше Русской церковью, он и сегодня является объектом политизированного подхода. Так, в интервью журналу «К единству!», органа Международного фонда единства православных народов, польский парламентарий, член Европейской Межпарламентской ассамблеи православия С. Плева датировал автокефалию Польской православной церкви 1925 г. (К единству! 2001. № 3 (август — июнь), с. 8).

Польское правительство поначалу отнеслось к подобной развязке «дела» Дионисия позитивно, усмотрев в ней признание митрополитом совершившейся реорганизации управления ППЦ. Казалось бы, в истории Дионисия поставлена последняя точка. Однако, получив постановление, он, как указывалось в материалах Совета по делам РПЦ, «поднял голову» и заявил, что полностью восстановлен в правах на управление церковью. 6 декабря 1948 г. освобожденный к тому времени из-под домашнего ареста Дионисий был принят по его просьбе первым секретарем посольства СССР в Варшаве Е. И. Длужинским. В подготовленной на основе записи беседы справке Совета по делам РПЦ указывалось на «оскорбительную форму» приведенных Дионисием доказательств собственной правоты и ошибочности постановления Московского патриарха и Священного Синода. Сообщалось, что незаконным митрополит считал и декрет президента Берута. Дионисий заявил, что патриарх Алексей «обокрал его», лишив титула «Блаженнейший», что он был введен в заблуждение «кучкой аморальных людей» — епископом Тимофеем, архипресвитером из Гданьска Е. Наумовым и др. и настаивал на встрече с патриархом «для личных объяснений». Проводимые Дионисием богослужения в своей домашней церкви с привлечением туда верующих были расценены авторами документа, как попытка расколоть Польскую православную церковь [17, л. 65—65 об.].

Поскольку напряженность в епископате ППЦ продолжала сохраняться, польские власти сообщили советским представителям в стране о своем намерении удалить Дионисия из Варшавы, поселив в монастырь «обеспечить нужную изоляцию его от внешнего мира». Но в связи с тем, что ноябрьское постановление патриарха и Синода препятствовало этому, с польской стороны зазвучала критика «либерального отношения» РПЦ к «немецкому пособнику» Дионисию [17, л. 63, 65 об.]. 13 декабря 1948 г. патриарх Алексей обратился к епископу Тимофею со специальным разъяснением. Подтвердив постановление от 9 ноября, он подчеркнул, что после дарования ППЦ автокефалии Русская церковь «не вмешивается в дела братской автокефальной церкви Польской и предоставляет ей самостоятельное устройство..., равно как и свободное избрание Главы своей церкви» [17, л. 67—69]. Эта каноническая позиция руководства РПЦ объективно развязывала руки польским властям.

Вопрос об автокефалии ППЦ, получив, казалось, свое разрешение, продолжал будоражить православное население страны, поскольку выборы нового предстоятеля проведены не были и дарованная автокефалия не нашла своего окончательного канонического оформления. Не собирался складывать оружия и Дионисий: в Москве имелась информация, что он намеревался апеллировать к Вселенскому патриарху Афинагору, отношения которого с Московской патриархией были весьма натянутыми. Заинтересованность в судьбе Дионисия проявляли и англичане. В этих условиях ведомство Карпова, учитывая мнение посла Лебедева,

предложило в марте 1949 г. организовать приезд Дионисия в Москву, опубликовать в церковной печати его заявления и другие материалы, призванные блокировать возможные контакты митрополита с Константинополем. При этом был сформулирован и запасной вариант действий вплоть до ареста Дионисия, что автоматически устранило бы угрозу его нежелательных связей с патриархом Афинагором [20, л. 17—18].

План Совета не нашел поддержки в советском внешнеполитическом ведомстве. 16 июля 1949 г. заместитель министра иностранных дел А. А. Громыко сообщил об

этом Карпову, указав, что вмешательство Константинопольского патриарха в дела независимой Польской церкви вряд ли сможет иметь успех, в то время как «рассчитывать на получение благожелательного нам интервью от враждебно настроенного к Советскому Союзу человека, сотрудничавшего с немцами в годы Второй мировой войны, у нас нет никаких оснований». В МИД СССР справедливо опасались, что пребывание в советской столице могло быть расценено в церковных кругах как реабилитация Дионисия, способная усилить его позиции в православном мире. С учетом всего этого в МИД СССР не видели оснований для приглашения Дионисия в Москву, тем более, что патриарх Алексей не выказывал никакой заинтересованности в подобной встрече [20, л. 37].

Итак, поездка Дионисия в Москву и на сей раз не состоялась. Польский митрополит обратился к патриарху Афинагору, который, стремясь вернуть Дионисия к управлению Польской церковью, опротестовал акт дарования автокефалии Московской патриархией. В письме патриарху Алексию от 23 февраля 1950 г. Афинагор ходатайствовал об оставлении Дионисия в служении Польской церкви, но, как и прогнозировали в МИД СССР, заметного влияния на православный мир это не оказало.

Подлинные причины, по которым Константинопольский патриарх взял на себя посредничество в урегулировании столь сложного вопроса, до сих пор не установлены⁶. В Совете по делам РПЦ полагали, что активность Афинагора подпитывалась нерешенностью вопроса о главе ППЦ [21, л. 213]. Выборы предстоятеля Польской церкви между тем затягивались. Из материалов Совета по делам РПЦ следует, что лишь весной 1950 г. польские официальные круги приступили к подготовке обращения к патриарху Алексию с просьбой определить своего кандидата. В свою очередь, Совет, предвидя необходимость обращения впоследствии в «инстанцию», запросил в МИД СССР подробную информацию о правовом положении ППЦ и порядке проведения выборов [22, л. 117].

26 июля 1950 г. ответ был получен. В нем подробно разъяснялись статьи упоминавшегося выше декрета президента «Об отношении государства к Польской автокефальной православной церкви» от 18 ноября 1938 г. Для Совета принципиальное значение имела ст. 48, по которой руководитель ППЦ должен был обладать польским гражданством. Однако допускались и исключения, для чего требовались предложение Синода и разрешение профильного министра. Эта оговорка, по мнению дипломатов, допускала возможность избрания на пост главы ППЦ представителя Русской церкви [23, л. 38—39].

В Польской православной церкви, состоявшей к тому времени из трех епархий — Варшавско-Бельской, Вроцлавско-Лодзинской и Белостокско-Гронской, имелись для этой цели свои иерархи соответственно епископы Тимофей, Георгий и Михаил. Однако и в Варшаве, и в Москве считали, что ни один из них не подходил на пост предстоятеля. Еще весной 1950 г. в Московской патриархии стали склоняться к

кандидатуре архиепископа Львовского и Тернопольского Макария (Оксиюка), что нашло поддержку в Совете по делам РПЦ [23, л. 110—111]. 16 октября 1950 г. Совет

⁶ В ответном письме к Афинагору от 3 июля 1950 г. патриарх Алексий предположил, что «...недавние события в Польской православной церкви Вам полностью не известны» (Журнал Московской Патриархии. 1950. № 8 (август), с. 9).

Министров СССР принял специальное постановление о М. Ф. Оксиюке. В случае избрания главой ППЦ ему разрешалось принять польское гражданство.

В это время наблюдается усиление внимания советской стороны к возведенному в сан архиепископа Тимофею (Шреттеру), что понятно. Именно с его стороны в первую очередь можно было ожидать каких-либо оппозиционных проявлений к московскому кандидату. Не исключалось и намерение Тимофея побороться за пост предстоятеля ППЦ. Во время встречи с митрополитом Николаем в Варшаве Тимофей уточнял, в частности, вопрос, может ли он пока считать себя местоблюстителем главы Польской церкви. Владыка Николай дал утвердительный ответ [24, л. 177]. Примечательно, что в отчете о поездке он воздержался от каких-либо оценок Варшавского архиепископа, но отметил хорошее знание им церковной обстановки в Польше и намерение «не отставать от других церквей» в борьбе за мир. В подтверждение этого Тимофей, в частности, выразил желание заключить с РПЦ пакт о защите мира по примеру Румынской православной церкви.

Во время пребывания в Варшаве русский митрополит встретился с Дионисием по просьбе последнего. «Беседа была вся построена на воспоминаниях», — рассказывал владыка Николай по возвращении в Совете по делам РПЦ. — Дионисий «спрашивал, как выглядит патриарх. Говорил, что он счастлив, что видит меня, что на него пахло чем-то русским, что он так давно был в России» [25, л. 65—66].

Вопрос об избрании главы ППЦ вступил в решающую фазу весной 1951 г. 19 апреля Собор православных епископов принял решение обратиться к Московскому патриарху за содействием в подборе кандидата в митрополиты. В определении Собора содержалась просьба к руководству РПЦ дать каноническое разрешение на переход в юрисдикцию Польской автокефальной православной церкви «лицу, состоящему в духовном сане, достойному занятия митрополичьей кафедры и поста Первого епископа и Главы церкви..., в меру возможности хорошо знакомому с своеобразным укладом церковной жизни в Польше (с традициями, обычаями), к которому народ нашего края привык в течение веков» [цит. по: 2, с. 279]. Был определен и состав делегации во главе с архиепископом Тимофеем для передачи этого решения лично патриарху Алексию [26, л. 35].

13 июня 1951 г. польская делегация прибыла в Москву, а 18 июня на совещании в Московской патриархии делегации была официально рекомендована кандидатура архиепископа Макария, получившего каноническое разрешение в случае его избрания перейти в юрисдикцию ППЦ. Была определена дата выборов и интронизации — 8 июля 1951 г. Дальнейшие события развивались в соответствии с согласованным обеими сторонами планом. После выборов (в материалах Совета по делам РПЦ о них не говорилось ни слова, что подчеркивает их чисто формальный характер) 8 июля при большом стечении

православных верующих и духовенства в Варшавском кафедральном соборе состоялась интронизация нового главы Польской церкви митрополита Макария. Помимо делегации Московской патриархии на торжествах присутствовали представители Болгарской и Румынской православных церквей. 16 июля Карпов сообщил в МИД СССР А. Я. Вышинскому и МГБ СССР С. И. Огольцову, что, по впечатлениям русской делегации, «Макарий значительным большинством духовенства и верующих принят положительно, и если он будет иметь оппозицию, то незначительной части духовенства» [21, л. 215].

Приход Макария к руководству ППЦ в православном мире был воспринят индифферентно. На разосланные после интронизации известительные грамоты ответ с поздравлением был получен только от патриарха Сербского Викентия. Зато 1 октября 1951 г. специальным письмом из Константинопольской патриархии Макарию было отказано в признании митрополитом Варшавским и всей Польши.

Новый предстоятель взвалил на свои плечи нелегкую ношу. К началу его «правления» в ППЦ насчитывалось 142 православных прихода, и верующие высказывались за организацию новых. Остро стоял вопрос о кадрах: не во всех приходах имелись священники. Управленческий аппарат был укомплектован полностью; помимо трех иерархов, безвыездно пребывавших в Варшаве, действовали канцелярия и консистория, сосредоточивавшие у себя всю полноту власти и все финансы митрополии. Именно церковные «аппаратчики» составили оппозицию предстоятелю. Как сообщал митрополит в Москву, они игнорировали его, не скрывали недовольства и предпочитали иметь дело с архиепископом Тимофеем. Пребывая на посту заместителя митрополита Макария, он стремился сохранить свое влияние и оставался в Варшаве. После месячного выжидания владыка Макарий приступил к реорганизации церковного управления. Ревизия деятельности канцелярии и консистории, планомерный объезд митрополии, регулярный прием представителей духовенства помогли уяснить положение в церкви и несколько укрепить его. На Соборе епископов весной 1951 г. митрополия была разделена на четыре епархии — Варшавско-Бельскую, Белостокско-Гданьскую, Познанско-Лодзинскую и Вроцлавско-Щецинскую, были определены их границы, закреплены епископы, упразднена консистория, урегулирован твердый порядок финансирования епархий из единого центра — канцелярии в Варшаве.

Следующим важным направлением в деятельности главы ППЦ явилось возвращение православных храмов, в том числе и построенных в свое время «на русские деньги». Соответствующие обращения митрополита в официальные органы встречали в Управлении по делам вероисповеданий понимание и, как писал Макарий, «благосклонное внимание», однако практическая реализация обещанного постоянно стопорилась. У митрополита было свое объяснение этому. «Здесь очень считаются с “реальной силой” римокатолицизма, с ватиканской прессой, в частности», — сообщал он в Совет по делам РПЦ. Жизнь православной церкви «проходила самотеком, никто ею не руководил и даже не интересовался». Особенно это касалось русского населения. Обстановка характеризовалась наличием мощных негативных напластований в отношениях к русским. «Православные и русские и до настоящего времени местами боятся признаваться, что они православные и русские. Здесь православный и русский — синонимы, как это было и в старые годы» [27, л. 20].

Видимо, отталкиваясь от своей практики перевода униатов в православие, Макарий сообщал в письме митрополиту Николаю 15 января 1952 г., что польские власти недооценивают важности решения униатской проблемы в западных воеводствах. По сведениям предстоятеля, здесь имелось значительное количество

переселенцев — греко-католиков (в одном только Вроцлавском воеводстве до 60 тыс.). Перевод их в православие Макарий считал легкой задачей.

Гораздо больше тревожило его сосредоточение на западе страны местных и прибывших из Западной Украины грекокатолических священников (до 100 человек).

Макарий оперировал, по его признанию, непроверенной, а на самом деле вполне объективной, информацией о том, что по распоряжению польского костела они прикреплялись к римо-католическим приходам в качестве викарных священников. Эти священники, писал митрополит, «сохраняются в качестве кадров для восстановления унии в западных областях УССР и других местах. Если сказанное отвечает действительности, то и это здесь недооценивается». Митрополит по своей собственной инициативе приступил к организации православных приходов в местах расселения грекокатоликов, планируя создание шести приходов во Вроцлавском и одного-двух в Ольштынском воеводствах. Кроме того, он настойчиво и последовательно пытался получить в ведение ППЦ бывшие евангелические храмы и организовал «разъездные» бригады священников для духовного окормления новых приходов [27, л. 22; 25, л. 63].

В письме митрополиту Николаю Макарий откровенно признавался: «Вообще мне здесь трудно... Я с усердием буду и в грядущие дни моей жизни трудиться во славу Православной церкви и моего Отечества...» [27, л. 23]. Проведя же два года у руля управления ППЦ, 27 июля 1953 г. Макарий писал патриарху Алексию: «За это время милость Божия не оставляла меня. Господь через немощный сосуд, Им избранный, как мне нередко приходилось слышать, “поднял Православие в Польше”» [28, л. 10].

Таким образом, православная церковь в Польше, объединяя национальные меньшинства, обеспечивала для них возможность существования в католическом окружении, принимая предлагавшиеся властью условия «сожительства». Эта традиция не была нарушена и в послевоенные годы: церковь действовала в контакте с государственными структурами и под их контролем. Московская патриархия, в чью юрисдикцию в 1948 г. перешла ППЦ, проявляла умеренную заинтересованность в ее делах. Для польской стороны православная церковь не была болевой точкой не только потому, что ее «политическая ориентация» характеризовалась как лояльная. В справке Управления по делам вероисповеданий при правительстве Польши в ноябре 1951 г., констатировалось, что «Православная церковь не обладает возможностями для своего развития» в стране [29, л. 113].

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 17. Православная церковь в Польше. 1944—1947 гг.
2. Свитыч, А. К. Православная церковь в Польше и ее автокефалия / А. К. Свитыч // Православная церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917—1950 гг.: материалы по истории церкви. Кн. 14. М.: Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, 1997. С. 87—293.
3. Раневский, С. Украинская автокефальная церковь / С. Раневский. Джорданвилль, 1948.
4. Мірановіч, Я. ПРАВАСЛАЎНАЯ ЦАРКВА ў ПАЛІТЫЦЫ Польшкай дзяржавы (1920 —1932 гг.) / Я. Мірановіч // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 2 / А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2007. 263 с.
5. Николаев, К. Н. Восточный обряд / К. Н. Николаев. Париж: УМСА, 1950.

6. Шкаровский, М. В. Нацистская Германия и Православная церковь (Нацистская политика в отношении Православной церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР) / М. В. Шкаровский. М. : Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, 2002. 523 с.

7. Скурат, К. Е. История Поместных православных церквей / К. Е. Скурат : в 2 т. М. : Русские огни. 1994. Т. 1. 335 с.

8. Madajczyk, Cz. Polityka III Rzeczy w okupowanej Polsce / Cz. Madajczyk. T. II. Warszawa : Polskie wydawnictwo naukowe, 1970. 528 s.

9. Serhijczyk, W. Stanowisko i los ukrainczykow w Generalnym Gubernatorstwie (bez Galicji) w latach okupacji niemieckiej. 1939—1945 / W. Serhijczyk // Polska — Ukraina: trudne pytania / Rada naukowa. T. 4. Warszawa : Karta, 1999. S.175—195.

10. Раневский, С. Украинская автокефальная церковь. Липковщина или «самосвяत्व» / С. Раневский // Православная Русь. 1948. № 6.

11. Фотиев, К., прот. Попытки Украинской церковной автокефалии в XX веке / Протоиерей Кирилл Фотиев // Православная церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917—1950 гг.: Материалы по истории церкви. Кн. 14. М. : Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, 1997. С. 7—85.

12. Архив внешней политики РФ (АВПРФ). Ф. 0122. Оп. 27. П. 196. Д. 8. Материалы референтуры по Польше.

13. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 65. Переписка Совета по делам РПЦ с НКВД СССР по внешним делам и др. вопросам. Т. 2. Август — декабрь 1945 г.

14. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 129. Переписка Совета по делам РПЦ с НКВД СССР и ВОКС. Т. 1. Январь—июль 1946 г.

15. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 10. Материалы по приему в Совете по делам РПЦ инопредставителей и инокорреспондентов. Август 1944 — декабрь 1945 г.

16. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 149. Письма и доклады Совета по делам РПЦ в Совет министров СССР и ЦК ВКП(б). 1947 г.

17. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 421. Православная церковь в Польше. 1948 г.

18. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 273. Православная церковь в Чехословакии. Январь—декабрь 1947 г.

19. Решение Св. Синода РПЦ о предоставлении автокефалии Православной церкви в Польше // Журн. Московской Патриархии. 1950. № 8 (август). (Фотокопия протокола заседания).

20. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 577. Православная церковь в Польше. Январь — декабрь 1949 г.

21. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 841. Православная церковь в Польше. Январь — август 1951 г.

22. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 719. Переписка Совета по делам РПЦ с МИД СССР по делам Русской православной церкви. Т.1. Январь — июнь 1950 г.

23. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 723. Переписка Совета по делам РПЦ с МИД СССР по делам стран народной демократии. Т. 5. Июль — декабрь 1950 г.

24. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 606. Переписка Совета по делам РПЦ с Советом министров СССР и ЦК ВКП(б). Т. 3. Сентябрь — декабрь 1950 г.

25. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 732. Православная церковь в Польше. Январь — ноябрь 1950 г.

26. АВПРФ. Ф. 0122. Оп. 34. П. 263. Д. 12. Материалы референтуры по Польше.

27. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 989. Православная церковь в Польше. 1952 г.

28. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 110. Материалы и переписка о заграничной деятельности Московской патриархии по Польской автокефальной православной церкви. Апрель — июль 1953 г.

29. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 87. Переписка Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР. 1951 г.

SUMMARY

The article is devoted to the history of the Orthodox church in Poland (OCP) in the first half of the XX-th century. The Church was the institute served the national minorities (ucrainians, belorussians, russians) as the factor of their ethnic identity and whole of all members. This fact determined the special position of OCP in the system of the state-church relations in the catholic Poland. Based mainly on the documents from the Russian archives the article analyses the contacts of the OCP and the Moscow patriarchate. Investigates the role of the soviet political leadership in the developing of the confessional policy in Poland.

